

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П43

Погонин, Иван.

П43   **Король российских пинкертонов / Иван Погонин.** — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210587-6

Эта книга расскажет вам о судьбе выдающегося сыщика Российской империи — Мечислава Николаевича Кунцевича. Она охватывает период от начала его блестящей карьеры в Санкт-Петербургской сысской полиции до жизни в эмиграции и смерти. В издании вы найдете и описание самых загадочных дел, над которыми работал король российских пинкертонов. Произведения Ивана Погонина, как всегда, отличаются пристальным вниманием к деталям, соответствием духу времени, исторической достоверностью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Погонин И., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210587-6

Имя этого человека сейчас известно только знатокам истории отечественного сыска. А между тем на заре прошлого века о нем писали не только российские газеты, «Русский Шерлок Холмс» и «Король российских пинкертонов» был известен далеко за пределами своего Отечества — статьи о его расследованиях помещала парижская «Фигаро» и «Нью-Йорк таймс». Преследуя убийц, воров и грабителей, он объехал всю Европу, побывал в Константинополе и Лиссабоне, ловил афериста Хохлова на лондонских улочках, был на дружеской ноге с «заведующим розыскной частью всей Франции» месье Себилем и «русским Рокамболом¹» Манасевичем-Мануйловым², мог установить личность

---

¹ Рокамболь (фр. Rosambole) — главный персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX века французского писателя Понсона дю Террайя.

² Иван Федорович Манасевич-Мануйлов — деятель российских спецслужб, журналист, агент охранного отделения, чиновник особых поручений Департамента полиции, надворный советник.

преступника по одной галстучной булавке и найти в Стамбуле бриллианты, похищенные из магазина в питерском Гостином дворе.

Его награждали чинами и орденами — и тут же обвиняли в коррупции и служебном несоответствии, а потом вновь поручали самые запутанные дела. Он начал свою сыскную карьеру с самой низшей ступени служебной лестницы, а закончил статским полковником и чиновником особых поручений Департамента полиции.

Автор по крупицам собирал о нем сведения почти двадцать лет, побывал в его квартире на Горюховой и положил две гвоздики на могилу в Сент-Женевьев-де-Буа.

Дабы не перегружать книгу мало кому интересной информацией, здесь не будет ссылок на номера газет и описи архивов, это не научное исследование, но автор уверяет читателя, что все, что здесь написано, — правда.

Пусть читателя не смущают некоторые речевые обороты: автор вставил в свой труд прямые цитаты из аутентичной периодики и архивных документов, которые сначала хотел выделить курсивом, но потом решил этого не делать, дабы текст не получился слишком пестрым.

Скажу сразу, эта книга не для любителей детективов и крутых полицейских романов: реальные преступления раскрываются совершенно не так, как пишут в этих книжках, все гораздо прозаичней

Король российских пинкертонов

и неинтересней. Штат информированных стукачей, хорошо налаженная машина полицейских учетов, использование достижений криминалистики — вот основные составляющие успеха сыщика, но и оперскую смекалку и удачу, которая, как известно, награда за смелость, никто не отменял.

Поэтому сыщицкое дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но раскрывать преступления сложно.

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Мечислав Николаевич Кунцевич (польск. Mieczysław Kunczewicz) родился 3 ноября 1864 года в городе Муроме Владимирской губернии в семье отставного военного врача Николая Антоновича Кунцевича. Поляк, потомственный дворянин римско-католического исповедания, при крещении был наречен двойным именем — Мечислав-Николай.

Предки Мечислава Николаевича происходили из обедневших дворян, владели деревней Концы (отсюда и фамилия) в Бельско-Дрогичинском уезде Гродненской губернии. Уезд достался России после раздела Речи Посполитой, сейчас принадлежит Польше.

Впрочем, ни отец, ни дед Кунцевича уже никаким недвижимым имуществом не владели — Концы вместе с их обитателями были проданы пращуром Мечислава Николаевича еще в восемнадцатом веке.

Отец будущего «пинкертона», Николай (Николай-Антоний) Антонович Кунцевич, родился 16 июня 1828 года, окончил могилевскую гимназию и медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге и 26 апреля 1853 года в звании лекаря был

определен в военно-сухопутный санкт-петербургский госпиталь ординатором. Во время Крымской войны служил в отдельном форте Кронштадтского рейда, в боевых действиях участия не принимал, но несмотря на это удостоился монаршего благоволения «за отлично-усердную службу и примерный порядок, во время состояния Кронштадта в осадном положении».

22 ноября 1863 года Николай Антонович вышел в отставку и перебрался во Владимирскую губернию, где непродолжительное время служил надзирателем питейно-акцизного сбора, а затем работал врачом в г. Муроме и в Муромском уезде. В этом чудесном русском городе и появился на свет Мечислав Николаевич.

В 1872 году Николай Антонович вернулся на военную службу, после чего начались скитания семьи по городам и гарнизонам. Отец служил в Тамбове, в Казани, в подмосковном Серпухове, в Лодзи и Варшаве, во время русско-турецкой войны находился в тылу действующей армии — лечил раненых в госпиталях, по окончании военных действий вернулся в Варшаву и вскоре был вынужден опять подать в отставку: пошатнувшееся здоровье служить не позволяло.

Полностью оглохшего и почти ослепшего коллежского советника, кавалера двух орденов и нескольких медалей, наградили пенсией в 470 рублей в год, на которую он должен был кормить пятерых малолетних детей.

Семейство Кунцевичей вернулось в Петербург, где Мечислав и его младший брат Казимир продолжили обучение в гимназии. Вскоре отец скончался (мать Мечислава Николаевича умерла еще раньше) и дети перешли на попечение бабушки по материнской линии — Эмилии Христофоровны Явшиц, владелицы меблированных комнат на Моховой улице.

Из-за материальных проблем Мечислав Николаевич проучился в разных гимназиях в общей сложности только пять классов, однако получил неплохое домашнее образование: в частности, хорошо знал иностранные языки, что в дальнейшем поспособствовало его полицейской карьере.

В 1885 году Кунцевич явился для отбытия воинской повинности, но жребий не вытянул и был зачислен в ратники ополчения¹.

1 февраля 1885 года он устроился в контору сборов Московско-Брестского управления железной дороги, на 480 рублей в год, потом и впредь до поступления в полицию служил по вольному найму

---

¹ По действующему тогда законодательству большая часть российских подданных мужского пола была обязана отбыть воинскую повинность. Но так как мужчин в Империи было больше, чем царю требовалось солдат, то в армию забирали только тех, кто вытянул жребий. Те, кому жребий не достался, зачислялись в ратники ополчения — то есть могли быть призваны на военную службу только в военное время, в случае крайней необходимости. Тянули жребий те, кому к первому января года призыва исполнилось 20 лет.

в Экспедицию заготовления государственных бумаг (предприятие, аналогичное сегодняшнему Гознаку).

21 июля 1889 года Кунцевич подал начальнику Санкт-Петербургской сыскной полиции прошение о принятии на службу, которое вскоре было удовлетворено.

Я думаю, здесь не обошлось без протекции. Дело в том, что один из бывших начальников сыскной полиции Василий Андрианович Иванов служил во время Крымской войны вместе с батюшкой Мечислава Николаевича и вполне мог оказать юноше содействие в поступлении на место, поскольку в 1889 году был действительным статским советником и одним из крупных чиновников градоначальства.

Приказом от 4 сентября 1889 года «не имеющий чина Кунцевич (Мечислав) определен в службу полицейским надзирателем 3-го разряда по содержанию Управления Санкт-Петербургской сыскной полиции».

Но служба, скажем прямо, с самого начала не задалась.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Кондуктор Николаевской железной дороги Соловьев похитил вверенные ему 1428 рублей. Кунцевичу поручили розыск Соловьева. Понимая,

что кондуктор пустится во все тяжкие, Мечислав Николаевич стал разыскивать его по столичным увеселительным заведениям. Вход в некоторые из них был платным, и чтобы не разориться, начинающий сыщик предъявлял на входе свою полицейскую карточку и требовал пускать его бесплатно. Седьмого октября 1889 года он попытался таким образом зайти в «Зал общедоступных увеселений» купца Лейферта — заведение для не слишком взыскательной публики, но суровый швейцар его туда не пустил. Кунцевич нашел местного околоточного, который договорился с контролером. Попав внутрь, горячий поляк, вместо того чтобы спокойно искать злоумышленника, нашел хозяина заведения и стал в грубой форме высказывать ему свое неудовольствие. На следующий день Лейферт пожаловался куда следует, и рьяный сыскной надзиратель получил три дня ареста при Александроневской полицейской части.

В начале сентября 1890 года в сыскное отделение пришло поручение судебного следователя, который просил найти некоего господина Соболева — служащего конторы сборов Варшавской железной дороги, обвинявшегося в подделке векселя. Следователь не только требовал найти Соболева, но также просил раздобыть образцы его почерка и фотографическую карточку. Дело это было поручено полицейскому надзирателю Красову-первому (если в одном учреждении служили несколько од-

нофамильцев, то им присваивали порядковые номера, причем это делалось официально и во всех служебных бумагах так и писали: «Красов-первый», «Иванов-второй» и т.д.).

Красов стал спрашивать у сослуживцев, нет ли у кого-нибудь из них знакомых в конторе сборов железной дороги. Кунцевич вызвался помочь старшему товарищу, так как именно в этой конторе он и начал свою трудовую деятельность. Придя в контору, он встретил там своего бывшего сослуживца Стригеля, у которого и добыл как карточку, так и документ с образцом почерка Соболева. От Стригеля же Мечислав Николаевич узнал, что Соболев имеет любовницу — дочь коллежского регистратора Екатерину Тарасову. Ее точного места жительства Стригель не знал, но пообещал найти Тарасову и попросить прийти в сыскное.

Не придумав ничего лучшего, Кунцевич написал и вручил Стригелю записку, в которой сообщал, что Стригель действует по его — полицейского надзирателя сыскного отделения — указанию, и требовал от всех сотрудников полиции и дворников «оказывать подателю сего документа полное содействие». Ретивый железнодорожник отыскал Тарасову на станции Сиверская, а так как она ни в какое сыскное добровольно пойти не пожелала, применил к ней силу, задержал и сдал в Первый участок Нарвской части, вместе с запиской Мечислава Николаевича. Пристав, написав отноше-

ние и упомянув о записке и ее авторе, препроводил Тарасову в сыскную, где она пробыла до утра. Придя на службу и обнаружив дочь коллежского регистратора среди задержанных бродяг, пьяниц, проституток и воровок, Мечислав Николаевич тут же ее освободил, рассыпавшись в извинениях. Но было поздно.

Шестого сентября 1890 года Тарасова подала жалобу, и в этот же день на рапорте начальника сыскной об обстоятельствах произошедшего¹ градоначальник поставил свою резолюцию: «Уволить и впредь не принимать». Седьмого Кунцевич был уволен².

---

¹ Согласно Особенного Учреждения Санкт-Петербургской городской полиции 1887 года начальник сыскной своей властью мог наложить на полицейского надзирателя взыскание в виде выговора с занесением в штрафной журнал или до четырех нарядов вне очереди.

Если провинившийся заслуживал большего, начальник сыскной обращался к градоначальнику, который мог подвергнуть надзирателя аресту на время до двух недель в камере при полицейском доме, вычету из жалованья (не свыше 1/3), переводу с высшего разряда на низший, переводу в городовые или увольнению со службы.

² Как я понял, поручения чинов полиции частным лицам об арестовании того или иного гражданина в то время хоть и были незаконными, но практиковались.

Так, будущий чиновник для поручений и командир летучего отряда СПСП Петровский на заре своей карьеры отправился по поручению начальства в одну гостиницу арестовывать некоего преступника. Не застав последнего дома и не желая тратить свое

Мечислав Николаевич написал жалобное прошение, в котором полностью признал свою вину, раскаялся в содеянном и умолял «заменить увольнение самым строгим другим наказанием по усмотрению Вашего Превосходительства, ввиду того, что служба составляет единственное средство к моему существованию, причем я помогаю своей младшей сестре¹». Кунцевич писал, что поступил так не корысти ради, а из-за своего «излишнего усердия». В случае невозможности восстановить его на службе бывший сыщик просил хотя бы изменить формулировку приказа и уволить его «по прошению» (как сейчас бы сказали, «по собственному жела-

---

время на сидение в засаде, Петровский поручил швейцару этой гостиницы подозреваемого арестовать и препроводить в ближайший полицейский участок. Когда разыскиваемый постоялец вернулся, швейцар его задержал и приказал дворнику отвести в участок, однако цель задержания не объяснил. На вопросы дежурного околоточного о том, кого, собственно, он привел и за что доставленного надо сажать в камеру, дворник ничего вразумительного ответить не смог. Преступник же объяснил околоточному, что из-за личных неприязненных отношений повздорил со швейцаром и последний, явно превысив свою власть, отправил его в участок. Околоточный поверил этим объяснениям и преступника отпустил. Преступника потом так и не нашли, а Петровский с околоточным получили по несколько суток ареста.

¹ Речь идет об Эмили Николаевне Кунцевич — младшей сестре Мечислава Николаевича, так и не вышедшей замуж. Она находилась на иждивении брата до самой своей смерти, последовавшей после тяжелой и продолжительной болезни в 1902 году.

нию»), так как в противном случае дорога на госслужбу для Мечислава Николаевича была закрыта.

Но градоначальник был слишком зол на Кунцевича и оставил его прошение без последствий.

Видимо, жалованье в то время и правда было единственным источником дохода Мечислава Николаевича. Об этом свидетельствует жалоба, поданная в градоначальство восьмого ноября 1890 года некоей Варварой Антоновной Пионтковской — бывшей квартирохозяйкой Кунцевича. В жалобе она указывает, что будущий сыскной надзиратель снимал у нее жилье и задолжал 5 рублей серебром. Пионтковская еще в 1888 году получила у мирового судьи исполнительный лист, который и просила обратить ко взысканию, поскольку Кунцевич денег ей вернуть так и не удосужился. Но Варвару Антонову опять постигла неудача: должник в полиции уже не служил.

В январе 1891 года Кунцевич вновь просит градоначальника изменить формулировку в приказе о его увольнении. На этот раз Грессер смягчился и 24 января 1891 года в «Ведомостях Санкт-Петербургского Градоначальства и Столичной полиции» был опубликован приказ о том, что бывший надзиратель сыскной полиции считается уволенным по прошению. Видимо, за год работы в сыскной Кунцевич смог проявить себя как хороший сыщик, поскольку сразу же после этого Вошинин берет его на службу вольнонаемным («частным») агентом,

а в ноябре просит начальство определить Кунцевича на должность надзирателя.

Это ходатайство было удовлетворено и приказом от 10 декабря 1891 года Мечислав Николаевич вновь принят на государственную службу.

С этого времени в его личном деле нет ни одного взыскания, а поощрений хватает.

Глава 3

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

В январе 1892 года, то есть через месяц после возвращения Кунцевича на службу, ремесленник Янкель Соркин передал в распоряжение начальника сыскной полиции 100 рублей, которыми просил поощрить подчиненных, разыскавших похищенные у него золотые вещи. Мечиславу Николаевичу из этой сотни досталось меньше всех — всего десятка, больше всех (сорок пять рублей) получил пресловутый Красов-первый.

Официальный источник — «Всеподданнейший отчет Санкт-Петербургского градоначальника» за 1892 год — рассказывает об этом случае так:

«2 января 1892 года пристав 1 участка Нарвской части сообщил управлению сыскной полиции о краже у ремесленника Витебского мещанина Янкеля Соркина золотых и бриллиантовых вещей на сумму до 5 тысяч рублей, причем подозрение в совершении

этой кражи было заявлено на внезапно скрывшуюся прислугу потерпевшего крестьянку Боровичского уезда, дер. Задорья, Матрену Павлову.

Из обмена депеш с Боровичским исправником, к содействию которого сыскная полиция обратилась на случай появления Павловой в месте приписки, не замедлило выясниться, что женщина, проживавшая в услужении у Соркина, воспользовалась чужим видом на жительство, так как Матрена Павлова с марта месяца 1891 года находилась безвыездно на родине, будучи выслана туда этапным порядком из Санкт-Петербурга, где еще в январе того же года утратила свой паспорт.

Дальнейшим розыском вскоре удалось обнаружить как действительное звание, так и местопребывание преступницы, оказавшейся крестьянкой Лугского уезда Екатериной Герасимовой, которая тотчас после совершения кражи отправилась к своей матери, проживавшей в дер. Жельской Порховского уезда».

О том, каким же «тяжелым» был процесс установления личности преступницы, написал «Петербургский листок»:

«Разыскать Матрену Павлову было бы очень трудно, если б Янкель Соркин не знал, что прислуга живет у него по подложному паспорту и что она не Матрена Павлова, а жена крестьянина Петербургской губернии Екатерина Герасимова. Но как мог выйти такой подлог? Очень просто. В январе про-